

СОВЕТСКИЙ
★ ВОИН **9.91**
SOVIET
SOLDIER

**О ПРОШЛОМ
ВСЕ СУДИТЬ
ГОРАЗДЫ...**

ЯДЕРНЫЕ ТРУДОДНИ

Когда на брусчатку Красной площади вырулили гигантские, похожие на доисторических чудовищ машины, лично я почувствовал свою незащищенность. «Вот они, творцы паритета, — похоже прочитал мои мысли диктор Центрального телевидения. — Потенциал разрушения, заложенный в одной ядерной боеголовке такой ракеты, равен по мощи взрывам всех бомб и снарядов второй мировой войны». Парад на Красной площади продолжался, а в ушах еще долго стоял гул двигателей пусковых установок, впервые появившихся не только на глазах у всей страны, но и у всего мира. Правда, за стеклом кабин едва угадывались контуры людей, которым страна доверила столь грозное оружие. Кто они, где служат и как складывается их армейская биография?

Тихий российский городок. Здесь люди напевно окажут, не подрастеряли еще доброты и радушия, всегда готовы помочь заезжему гостю. На окраине городка, словно его маленький спутник, притулился другой — военный. В пятиэтажных домах — «хрущевках» и живут семьи моих героев. Сами же ракетчики день и ночь пропадают в лесах...

Не особо вдаваясь в подробности этих лесных «скитаний», начальник политотдела подполковник М. Фомиченко рассказал, что офицеры первого дивизиона Н-ского полка Н-ской гвардейской дивизии одними из первых в стране освоили принципиально новый вид оружия стратегического назначения — передвижные ракетные комплексы. Эти комплексы значительно повышают огневые и маневренные возможности подразделений, гибкость управления, что и подтвердили боевые пуски. За них дивизион подполковника В. Сасина получил отличную оценку. И еще

почетное право провести своих «динозавриков» по брусчатке Красной площади.

— Вымпел «Лучшему дивизиону полка» до сих пор в их руках, — закончил короткий экскурс в историю Фомиченко. — Езжайте поутру, допуск мы вам оформим.

И я поехал. Сначала по магистрали, потом по проселочной дороге, а потом и она оборвалась красным «кирпичом» на опушке леса — проезд закрыт. Дальше только на своих двоих. Два солдата, утонув в зеленых бушлатах, с автоматами наперевес, вышли навстречу и впились глазами в документы. Это была первая проверка на дорогах. Вторая и третья еще предстояли. Уже на месте исполняющий обязанности командира круглолицый и добродушный майор Попов пояснил, что охране техники придается не меньшее значение, чем дежурству на ней. Он с упоением водил меня по периметру полевой позиции, знакомил

с расположением постов и смен, пока голова не пошла кругом. Я окончательно запутался, где, какая машина и для чего она служит. Очевидно, уловив мое состояние, Попов резко сбросил обороты и предложил:

— Давайте начнем сначала. Но изнутри. А оно есть — КП (командный пункт) дивизиона.

Алексей Иванович предусмотрительно вытащил телефон из гнезда в машине, по своей длине напоминающий гигантский автомобиль-рефрижератор. Трех цифр оказалось достаточно, чтобы «сезам» открылся с тыльной стороны. Нас сначала впустили в «предбанник» и только после дополнительно названного кода — в мягко освещенный салон. Ровно гудела электроника, хитро перемигивались разноцветные лампочки на табло «Дежурный режим».

— Не приведи случай, зажжется «боевой», — перехватил мой взгляд Попов. — Это значит, третья мировая война началась...

— Пока мы здесь — не зажжется, — как-то вяло и вымученно улыбнулся начальник дежурной смены майор С. Сырмалот. В матовом свете плафона его лицо казалось мертвенно-бледным. Машина грела каким-то неестественным теплом и вообще вдруг стало не по себе. Вроде как изменилось пространство и время, и привычный земной мир с его тревожностями и заботами остался где-то далеко-далеко, за чертой реальности. Я бросил взгляд на черный циферблат вмонтированных в панель часов: двадцать один тридцать. Де-

журной смене здесь «париться» аж до трех часов ночи. Потом ужин (или завтрак?), регулировка режима работы аппаратуры в своей группе (отделении, расчете), контроль работы подчиненных и только утром можно зарыться в подушку. Едва успел отдохнуть, снова на боевое дежурство, которое, как гласят руководящие документы, есть выполнение задачи особой государственной важности. Тут даже мечтать нельзя. Потому что за любую самостоятельность не взыскание получишь, а срок!

Пока мы тихо и мирно беседовали с майором Сырмалотом о житействе офицера-ракетчика, я инстинктивно почувствовал на себе косые взгляды старшего лейтенанта. Он был оператором в смене, нетерпеливо ерзал в своем вращающемся кресле и, кажется, только и ждал момента, когда к нему обратятся с вопросом. Уже и не помню точно, о чем я спросил Павла Калинина (так звали молодого офицера), но тот не сказал, а сердито буркнул:

— У нас все хорошо, нам ничего не надо.

Неловкость ситуации тут же попытался смягчить шуткой майор Попов.

— Не обращайтесь внимания, — посоветовал он. — Сюда еще не ступала нога журналиста, вот Павел «Батькович» и засмутился.

Но взгляд Павла «Батьковича» совсем не походил на взор красной девицы. Скорее в нем угадывались дерзость и вызов. Что все это значит, я не успел понять, потому что майор Попов всем корпусом надавил на металлическую ручку выходной двери и повлек за собой, как зрячий слепого.

Ужинали мы в машине обеспечения. Терминологией здесь сыпали сплошь морской. Оказывается, отцами — основателями Ракетных войск стратегического назначения были в основном офицеры Военно-Морских и Военно-Воздушных Сил страны. Отсюда и словарь. Но больше всего удивила скудость жизненного пространства. Зимой вдвоем не разойтись — одежда мешает. И хотя говорят, что в тесноте, да не в обиде, к концу полевого выхода эта теснота многих выводит из душевного равновесия. Случаются и конфликты.

— На языке ученых это называется «психологический дискомфорт», — спокойно констатировал Алексей Иванович. — Понимаете, человек хоть и общественное существо, но ему свойственно желание побыть одному. Здесь такой возможности нет, а это, сами понимаете, чревато...

Чем чревато он не стал пояснять. Правда, через несколько суток жизни на строго ограниченном лесном квадрате, после ночевки в машине, я и сам догадался: теряется не только ощущение пространства и времени, когда ночь превращается в день, а день в ночь, теряется вообще почва под ногами и кажется,

что ты зависишь между небом и землей. Ну а если учесть колоссальное напряжение нервной системы, искусственную ломку биоритма, малоподвижный образ жизни, то станет ясно, почему так часто страдают офицеры-ракетчики сердечно-сосудистыми заболеваниями. Не хотелось бы об этом... Но куда же от правды денешься. Каждый год несут на местное кладбище отставников-ракетчиков. А ведь иным и пятидесяти не исполнилось. Казалось бы, только и пожить человеку. Но вот вышел он на пенсию, осел в малогабаритной квартирке и сгорел, как лампа высокого напряжения. Выжало его государство и... Нет, не выбросило, а мягко вытолкнуло на казенную пенсию — живи, брат, как сможешь вдали от мест, где отчий дом. И доживает свое нестарый еще пенсионер тихо, не ропща, порой не имея возможности устроиться на работу. Стыдно сказать, но в отличие от подводников-атомщиков у их наземных коллег даже своих реабилитационных центров не существует. Ну а попасть в санаторий офицеру-«окопнику» все равно что верблюду пролезть сквозь игольное ушко. Не хватает ни сил, ни блата, ни изворотливости. Хотя, если рассудить здраво, кто же, как не эти люди, должны быть самыми желанными гостями в черноморских санаториях и здравницах?

— Я даже в отпуске, — рассказывал Попов, — встаю ночью, точно по времени, когда пересменка начинается, выкуриваю сигарету, выпиваю стакан чая и только потом снова ложусь. А что поделаешь: уже условный рефлекс выработался... Жена и дочь лунатиком дразнят. А вот Элга — мой охотничий сеттер — все понимает. Придет на кухню, положит морду на колени и смотрит. По глазам вижу — жалеет.

Подавляя зевоту, Алексей Иванович поморщился, как готовый заплакать ребенок. В его лучистых, слегка покрасневших от долгой бессонницы глазах затаилась свинцовая усталость. За истекшие сутки он честно выполнил свой долг, но никогда бы не пустился в рассуждения о столь высоких материях. Потому что долг для таких офицеров, как Попов, в чем я десятки раз убеждался, не воспринимается как слово. Для них существует долг как суть, как смысл всей жизни. В них нет ни капли показушности или ложного пафоса. Их натуре присуще то драгоценное свойство души, которое можно назвать свободной от сознания: «Я это делаю». И даже если их обошла судьба чинами и наградами, даже если их обидело начальство, они не изменят долгу, потому что это значит изменить себе. В наше смутное время, когда у многих, в том числе и людей военных, — каша в голове, «раздрай» в душе и мыслях, у этих майоров и капитанов все в порядке...

Уже перед самым отъездом из дивизиона я услышал от одного молодого лейтенанта примечательную фразу: «Наш Алексей Иванович, как настоящий английский джентльмен, берется за безнадежное дело. Он внушает в нас оптимизм». А ведь мог десятки раз обидеться, махнуть на все рукой. Слишком непросто складывалась его служебная биография, слишком много на своем веку видел несправедливости. Сам он из донских казаков, военное училище закончил в Ростове-на-Дону. Потом пять лет глотал степной ветер на сопках Дальнего Востока. В то время там год выслуги за год, а не за полтора шел, и никаких тебе льгот. Перед отъездом в Европу должен был пойти на повышение, но потеснил выпускник училища, молоденький бойкий лейтенант, племянник ба-а-льшого начальника. Лейтенантику нужна была майорская должность, чтобы поступить в академию. И поступил — все нормально. А вот Попову не довелось ходить в слушателях. Кто же пахать будет? И пахал Алексей Иванович от зари до зари, не жалея живота своего. Допыхался до должности заместителя командира дивизиона. За плечами четыре переезда, двадцать лет безупречной службы, из них почти четырнадцать входит в стаж непрерывного боевого дежурства. Это, если перевести на нормальный человеческий язык, больше года бессонных дней и ночей, проведенных под землей и в кресле машины боевого управления. За десять лет непрерывного стажа боевого дежурства положено присваивать очередное воинское звание. Не присвоили. «Майорит» Алексей Иванович уже седьмой год, но он не в обиде. Жила бы страна родная, да родные Ракетные войска, да дичь в лесах не переводилась. Охотник он больно заядлый. Ирландский сеттер ждет с каждого дежурства не дождется.

Все это о майоре Попове я узнал не сразу, а в процессе, если можно так выразиться, «совместной службы». Ну а пока в первые сутки нашего знакомства мы душевно чаевничали на камбузе, время незаметно подкралось к полночи.

Зашли в спальный отсек.

— Ну, Алексей Иванович, ляг ка мушкетером, вскочи калачиком, — пожелал он сам себе. Скоро на дежурство.

Я хотел было извиниться за то, что отобрал у человека лишние часы отдыха, но легкий храп предупредил мои словесные реверансы. Попытался улечься поудобнее, да не тут-то было. Ноги, как в каменную стену, уперлись в переборку. Пришлось их поджимать. Наконец до меня дошло, что значит вскочить калачиком. Долго ворочался, пока наконец не забылся в какой-то полудреме.

Сердито гудели движки дизелей, резко шибало в нос нагретой изоляцией, машинным маслом и кислой

капустой. Наверное, поэтому и снилась всякая абракадабра. Внезапно показалось даже, что какой-то офицер Советской Армии со странной белой чалмой на голове забубнил в самое ухо о необходимости введения в стране диктатуры. Иначе, мол, загремим под фанфары.

—...Загремим, Миша, как пить дать, загремим. Диктатура — это, конечно, большое зло, но гораздо меньшее, чем бардак в стране.

На этом я и проснулся, четко определив причину своего сна. Похоже, Миша не сдавался.

— Болтун ты, Паша. Да при диктатуре тебя же первого и посадят за длинный язык. И будешь ты под фанфары парашу за зеками выносить. Понял?

Голоса доносились со стороны камбуза, и один из них показался мне знакомым. «Ба! Да не тот ли это Паша, который так выразительно метал в меня молнии на КП? Он был явно чем-то недоволен. Только вот чем? Неплохо бы выяснить...» Я кое-как выполз из отсека в коридор.

Предчувствия меня не обманули. Молодые офицеры только что сменились с боевого дежурства и пили на камбузе чай. Один из них был Паша Калинин. Он явно смутился, увидев корреспондента в столь неурочное время (часы показывали начало четвертого ночи), но тут же пришел в себя и пригласил к столу.

— Так кто тут за коммунистов, а кто за большевиков? — попытался пошутить я.

— Да все мы тут за Советскую власть, — взял на себя разговор Паша. — Только по-разному ее понимаем. Разномыслие нынче не грех. А вы, если не секрет, о героическом писать приехали?

— И о героическом тоже, — теперь уже неловкость почувствовал я.

— А надо бы о трагическом, — вдруг, как граната, взорвался Калинин. — Хватит уже о лютиках-цветочках, ягодках-платочках. Понимаете, у нас на глазах дивизион разваливается. Первый дивизион — гордость полка и дивизии. Из группы майора Сырмалота почти половина офицеров увольняется. Во главе с самим командиром. А достойной замены им нет. И вряд ли в скором времени будет. Спросите, кто виноват?

— Спрошу.

— Отвечу. Уравниловка. Она на коллективизацию смахивает, только трудодни теперь не крестьяне, а офицеры зарабатывают. Я когда в военное училище в восемьдесят третьем году поступал, еще во что-то верил. А сейчас... Только и слышишь на каждом шагу — армия такая, армия сякая, армия разэтакая. И раздевает, и объедает, и обсасывает бедный советский народ. Этих Цицеронов на мое бы место, чтоб у них в кабине хоть разок рубаха от пота взмокла, да десны начали кровоточить, да перышки из головы сыпаться. Вот тогда бы поняли, за что я получаю свои кровные три сотенные в месяц. У меня два года на-

зад сокурсник уволился. Был лейтенант, стал котельщик. А батя мой капитаном на сухогрузе по Волге плавает. Друг у таких, как батя, котлы лудит. Так вот отец пишет, что мой приятель за эти два года уже трехкомнатной кооперативной квартирой обзавелся и на «жигуль» скопил. А наш Попов Алексей Иванович — золотая голова и золотые руки — лучшие годы под землей провел и даже на мотоцикл не заработал. Так где же истина? Может быть, в вине, как говорили древние? Ну так от водки еще больше выть хочется. А кто услышит? Проверяющие, члены комиссий, так называемые теоретики-реформаторы? Да они только в бумагах мастера ковыряться. Был у нас в дивизионе один проверяющий. Важный такой, упитанный. Просидел, как свадебный генерал, на открытом партийном собрании, все внимательно выслушал и укатил, поминай как звали. К нему тыща вопросов, а он укатил. И это не анекдот, это типичный эпизод из жизни Ракетных войск. Один из немногих. Понимаете, за державу обидно. Если так дело дальше пойдет, мы лучшие кадры растеряем. И ни одна реформа уже не поможет.

Чай в Пашином стакане давно остыл. Он сидел за столом как-то боком, взъерошив волосы и чем-то напомунал худенького мальчика-подростка, который получил незаслуженный нагоняй от родителей и был этим дико взбешен.

— Слушай, Паша, а где же выход? — попытался я разрядить обстановку, но тут же получил лобовой ответ:

— Выход там, где вход. Каждому по труду. Отработал я свои восемнадцать часов в сутки — заплати мне. Ушел из отделения в отпуск офицер Иванов, уволился Петров и Сидоров, заплати мне. Потому что я работаю за себя и «за того парня», потому что несу боевое дежурство за двоих. Потому что ответственность на меня ложится двойная, а то и тройная. Потому что, наконец, мощнее ядерного оружия человечество еще ничего не придумало. И это тоже надо учитывать при начислении зарплаты. Мы можем существенно сократить Сухопутные войска, сэкономить на разоружении, прекрасно зная, что, пока в лесах прячутся межконтинентальные баллистические ракеты, именуемые на Западе как «СС-25», любимый город будет спать спокойно. Если хотите знать, наши пусковые установки — и есть те самые абстрактные качественные параметры, о приоритете которых так любят вспоминать военные реформаторы...

Да, горячий мне попался собеседник. И поначалу даже показалось не совсем объективный. Но сколько я потом ни присматривался к жизни офицеров, прапорщиков и солдат первого гвардейского ракетного дивизиона, сколько ни лазил по кабинам пусковых, люкам агрегатных и окопам охранников, ловил себя на одной и той же мысли:

нет, не всю правду сказал мне старший лейтенант Павел Калинин. Пожалел, наверное. Ведь критическое положение с кадрами сложилось не только в группе майора Сырмалота. Командир группы офицер Стародубцев тоже решил распрощаться с армией. А ведь, по выражению командира полка, это профессионал до мозга костей.

— Понимаете, по нас нанесли превентивный удар, только не чужие, а свои, — по-философски тонко оценил сложившуюся ситуацию один из «диссидентов» (так называют здесь подавших рапорта на увольнение) старший лейтенант А. Торбенко. — Военных толкнули в рынок, как в бассейн, в который забыли налить воды. Ну, естественно, и потянулись люди на заводы и в кооперативы. Там и платят больше и нервов трепят меньше. На голом энтузиазме ведь долго не протянешь.

Вроде все логично: рыба ищет где глубже, а человек где лучше. И будем реалистами: при сложившейся системе оплаты труда, при растущем разномыслии в механизме армейских «производственных отношений» таких суперспециалистов, как майор Попов, офицеры Сырмалот и Стародубцев, в Ракетных войсках стратегического назначения не приживется. Начнется «утечка мозгов» в сферы народного хозяйства. И что самое страшное, она может принять необратимый характер. Кто от этого выиграет — армия, общество, государство? Да никто. Потому что отток профессионалов на практике означает повышение некомпетентности или, как выразился майор Попов, люмпенизацию личного состава. А это не только удар по боеготовности, но и огромный риск повторения еще одного Чернобыля. Вот его-то страна может уже не пережить. Без всякой оккупации извне.

Все эти невеселые мысли одолевали меня на обратном пути из полевого расположения дивизиона. Бывает же такое. Ехал за репортажем о воинах романтической профессии, а вот — пожалуйста... Перед глазами стоял мудро-печальный взгляд майора Попова, горькая усмешка Паши Калинина, натруженные, все в заусеницах руки прапорщика Мишащук. Вряд ли они когда-нибудь в прежнем составе пройдут на своих пусковых по Красной площади. Жаль. Славная была команда.

Подполковник А. ЖУКОВ, спец. корр. журнала «Советский воин»

От редакции.

Этот материал мы решили направить в Комитет Верховного Совета СССР по вопросам обороны и государственной безопасности... Надеемся, что факты, изложенные в нем, послужат не только информацией для размышления. Об ответе и принятых мерах редакция сообщит дополнительно.